

УДК 316.48

ББК 60.52

DOI 10.22394/1682-2358-2024-1-78-86

Е.М. Feklina, Senior Lecturer of the Translation Studies and Intercultural Communication Department, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov

N.V. Shelyakhina, Candidate of Sciences (Sociology), Do-cent of the Translation Studies and Intercultural Communication Department, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov

“HATE SPEECH” AS A FACTOR OF SOCIAL CONFLICT

The article highlights the problem of the emergence of “hate speech” based on interethnic and interstate conflicts. The factors influencing the emergence of extremism and hate crimes are identified. The measures taken to resolve interethnic conflicts and curb their escalation at the state level, as well as models of social cohesion as a mechanism for regulating social conflicts are analyzed.

Key words and word-combinations: hate speech, theory of conflictology, hate crimes.

Е.М. Феклина, старший преподаватель кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А. (email: demkaterina@yandex.ru)

Н.В. Шеляхина, кандидат социологических наук, доцент кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А. (email: s_nataliya@inbox.ru)

«ЯЗЫК ВРАЖДЫ» КАК ФАКТОР ВОЗНИКНОВЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

Аннотация. Рассматривается проблема возникновения «языка вражды» на основе межэтнического и межгосударственного конфликтов. Выявляются факторы, приводящие к экстремизму, преступлениям на почве ненависти. Анализируются меры, принимаемые для урегулирования межэтнических конфликтов и сдерживания их эскалации на государственном уровне, а также модели социальной сплоченности как механизм регулирования социального конфликта.

Ключевые слова и словосочетания: язык вражды, теория конфликтологии, преступления ненависти.

В современных условиях формирования глобальной культуры взаимодействие языков становится все более актуальной проблемой. Поскольку в настоящее время интенсифицируются процессы сближения, взаимодействия

культур, возникает вопрос проведения оптимальной языковой политики для урегулирования языковых процессов. При этом отмечается рост значения национальной самоидентичности малочисленных народов во всем мире, поскольку в условиях глобального сближения народов все явственней выступает угроза полного исчезновения малых этнических групп. Соответственно, актуализируются вопросы самоидентификации, самоопределения представителей различных этносов.

Наблюдается всплеск интереса малочисленных этносов к собственной культуре, историческим традициям, как следствие возрастает количество практик обращения к социальной памяти своей этнической группы, происходящих в разных формах: от соблюдения культурных, религиозных традиций в повседневности до проведения и участия в масштабных мероприятиях, национальных движениях, призванных привлечь внимание к существованию конкретного этноса. Вместе с тем национальное самоопределение может использоваться как инструмент для разжигания этнического конфликта и возникновения межнациональной вражды из-за притеснения одной нации другой. Специалисты считают одним из мощнейших механизмов разжигания этнического конфликта так называемый «язык вражды», который выступает активным фактором зарождения социального или военного конфликта между государствами или нациями внутри одной страны.

Изучение вопроса возникновения «языка вражды» проводится в теории конфликтологии, где конфликт и его развитие рассматривается как предпосылка возникновения враждебности на любом уровне. Согласно социально-психологической теории М. Дойча, выделяют следующие факторы изучения любого конфликта: характеристики конфликтующих сторон, предыстория конфликта, природа конфликта, социальная среда, выявление заинтересованных сторон, стратегия и тактика конфликтующих сторон, результаты конфликта [1]. Характерным является то, что в конфликте любого уровня каждая сторона-участница воспринимает свои действия в ходе конфликта как более правомерные, чем действия противоположной стороны, оправдывая себя таким образом.

В рамках сложившегося подхода М. Дойч рассматривает социальное взаимодействие и выделяет следующие особенности конфликта: каждая сторона конфликта оценивает противника со своей субъективной позиции; стороны конфликта склонны оценивать и прогнозировать действия друг друга под влиянием собственных ожиданий и восприятия; ход конфликта оказывает моделирующее влияние на его участников, которые способны к внутренним изменениям; социальная среда важна при изучении конфликта, так как она определяет социаль-

ные нормы взаимодействия в обществе; у конфликтующих сторон могут возникать внутренние противоречия. Изучая функции конфликта, М. Дойч подчеркивает, что конфликт не всегда имеет исключительно негативные последствия: они могут быть как деструктивными, так и конструктивными в силу того, что конфликт содержит потенциальную и личную и социальную ценность. По нашему мнению, грамотный подход к управлению и регулированию конфликта приводит к позитивным изменениям и взаимовыгодным итогам, поэтому важно компетентное регулирование конфликта на любом уровне. Внешний конфликт приводит к внутреннему сплочению, образованию интеграции, сплоченности общества [1, с. 15]. Очевидно, что противная сторона может выступать одним из факторов сплоченности социума, выступать неким стабилизирующим механизмом.

Причины возникновения конфликта М. Дойч видит в столкновении несовместимых действий на внутриличностном, межличностном, межгрупповом или межнациональном уровнях, а также конкуренцию [1]. Согласно сформулированной ученым типологии конфликтов, различают реальный, случайный, подмененный, безатрибутивный, латентный и фальшивый конфликты в соответствии с отношением к объективному положению вещей и оценками конфликтующих сторон. Классификация причин возникновения конфликтов включает контроль над ресурсами, предпочтения и антипатии, ценности, представления, природу взаимоотношений сторон. При этом важно, что конфликт находит свое выражение прежде всего в языке как инструменте социального взаимодействия, что отражается в употреблении обесценивающей коннотативной лексики, которая используется на уровне международных конфликтов.

Следует отметить, что конфликты необходимы и для развития противоборствующих сторон, и для социума в целом и индивидов в нем, так как они несут не только негативные, но и позитивные последствия. Бесконфликтное существование невозможно ни для индивидов, ни для социальных институтов и общественных структур, ни для самого общества, поэтому единственным эффективным методом социального взаимодействия является владение механизмами управления, регулирование конфликтов на различных уровнях для достижения конечного взаимного компромисса, выгодного для всех участвующих сторон. Конфликту также необходимо развитие, иначе он перманентно будет находиться в пролонгированном состоянии стагнации, что не принесет в итоге никаких результатов ни для какой из сторон-участниц. Основным инструментом урегулирования и управления конфликтами остается социальная коммуникация, выражающаяся в ведении различного

уровня переговоров, выражения и отстаивания своей точки зрения, умения находить компромисс, учитывая интересы противоположной стороны.

Так называемый «язык вражды» на межэтническом и внутриэтническом уровнях в современном политическом контексте возникает как следствие формирования в национальном сознании «образа врага» в результате восприятия «чуждости» одного или группы индивидов, которым навешиваются негативные ярлыки для их неприятия. Язык становится здесь прямым инструментом формирования образа врага. В англоязычной среде «язык вражды» обозначается как *hate speech*, то есть язык ненависти, на основе которой возникает желание выразиться хлестко, экспрессивно, негативно в сторону противника. Одно из определений «языка вражды» — дискриминирующая коммуникация в любом формате, направленная на унижение, оскорбление, агрессию по этническому, религиозному, гендерному, расовому или социальному признаку [2, с. 7].

Н.Б. Руженцева перечисляет следующие социальные факторы, способствующие использованию открытых, экспрессивных форм языка вражды: социальный раскол общества; влияние блогосферы; влияние постмодернизма, проявляющегося в распространении фейков, слухов как следствие теории заговора; внутриязыковые и внутритекстовые процессы в связи с распространением иностранных заимствований и интернет-сленга [3, с. 553—556]. Автор утверждает, что в настоящее время наблюдается увеличение количества речевых жанров с социальной коммуникативной целью обозначения враждебности по отношению к оппоненту: это ироническое опровержение, иронический диалог, ироническое обвинение, ироническая (саркастическая) интерпретация, ироническая благодарность, иронический прогноз, апеллятив, риторический вопрос, иронический вопрос, информационное сообщение [3, с. 557—559]. Таким образом, очевидно, что ирония либо сарказм наиболее часто являются источником агрессии, провоцирующим рост враждебности в коммуникации.

Социальная коммуникация в процессе глобального развития социальных сетей достаточно тесно связана с феноменом тотальной качественной трансформации категории текста в эпоху постмодернизма. А.К. Мамедов называет это явление «смертью текста» как формы коммуникации в условиях глобализации и цифровизации. Современному тексту присущи следующие характеристики: недостаточность как средство представления реальности; уход в прагматичность; импликация функций [4, с. 44], то есть с развитием социальной коммуникации, блоггерства на первый план выходит сетевой дискурс, значимость

которого растет пропорционально количеству вовлеченных в сетевую активность лайков, комментариев, пересылок, переходов по ссылке и т.п. Чем активнее информация обсуждается, тем больше растет популярность, статусность текста и его автора как в сети, так и в реальности. Так как это явление можно регулировать и контролировать, происходит коммерциализация сетевого контента путем увеличения количества комментариев, фолловеров, и таким образом реализуется прагматическая функция текста. Для эффективного прочтения контента необходимо сконструировать триггер, то есть побуждение комментировать, пересылать текст, пост и т.п., что вызывает общественную реакцию к тексту, увеличивает за счет этого доходность в сети и повышает статус автора. В связи с этим можно констатировать трансформацию текста с потерей его важнейшей функции — репрезентативного представления реальности с целью приобретения триггеризма как главной составляющей донесения информации [4, с. 43–44]. Триггерный механизм широко используется как высокоэффективное средство в языке вражды для дальнейшего раздувания ненависти к конкретному актору, его действиям, коммуникациям или, наоборот, для положительного оценивания чьих-то конкретных действий. Тексты политических лидеров стран набирают миллионы подписчиков и комментариев, и в них отражен весь спектр враждебной лексики.

В основе «языка вражды» лежит понятие hate crime (преступление ненависти), которое Я.И. Гилинский поясняет как нетерпимость, ксенофобия, злоба, зависть, совершаемые по мотивам расовой, этнической, религиозной ненависти или вражды, что есть закономерный, необходимый и неизбежный результат колоссального разрыва уровня и образа жизни сверхбогатого меньшинства («включенных», «included») и нищего и полунищего большинства населения («исключенных», «excluded») [5, с. 72]. В период стремительного ускорения глобализационных процессов на всех уровнях, интегрирования виртуальной коммуникации в общественную жизнь конфликты все чаще возникают на почве вербальной агрессии в сети или в реальности [6, с. 107]. «Язык вражды» становится мощным инструментом для разжигания ксенофобских и экстремистских настроений в обществе, его использование становится доступным, безнаказанным вследствие анонимности, а также достаточно эффективным для запуска конфликтной ситуации с охватом значительной аудитории пользователей сети или в СМИ. Приобретает ясные очертания очевидная цепь действий, ведущих к экстремизму: «язык вражды» возникает на основе ненависти и, как правило, ведет к разжиганию конфликта или к преступлению в его крайних формах, в частности к экстремизму.

В российском законодательстве клевета (введена Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 141-ФЗ) относится к преступлениям против свободы, чести и достоинства личности (ч. 1 ст. 128.1 УК РФ), а возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства является преступлением против основ конституционного строя и безопасности государства (ч. 1 ст. 282 УК РФ). Согласно данным статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2022 г., за клевету были осуждено 19 человек, а по ч. 1 ст. 282 УК РФ — 10 [7], однако в 2017 г. за экстремизм были осуждены 604 человека, а в 2016 — 540. Объясняется это тем, что в 2018 г. была установлена административная преюдиция в структуре состава преступления по ст. 282 УК РФ, что привело к сокращению числа лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по данной статье [6, с. 114]. Возникновение ст. 282 УК РФ в историческом ракурсе рассматривает Е.П. Сергун, отмечая неоднозначность и субъективность в дискуссиях по определению состава преступления по данной статье [8, с. 202–203].

Сдерживание эскалации ненависти в различных формах ее проявления на государственном уровне заявляется как одно из приоритетных направлений внутригосударственной и международной политики в цивилизованных странах, соблюдающих демократические нормы и правила. В рекомендации Совета Европы, принятой Кабинетом министров 30 октября 1997 г. на 607-м заседании заместителей министров государствам-участникам по вопросам «разжигания ненависти», перечислялись принципы сдерживания расовой ненависти, ксенофобии со стороны правительств государств-участников прежде всего через СМИ. В данном документе разжигание ненависти рассматривается как «понятие, покрывающее все формы самовыражения, которые включают распространение, провоцирование, стимулирование или оправдание расовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других видов ненависти на основе нетерпимости, включая нетерпимость в виде агрессивного национализма или этноцентризма, дискриминации и враждебности в отношении меньшинств, мигрантов и лиц с эмигрантскими корнями» [9]. Согласно Принципу 1, ответственность за разжигание ненависти или высказывания, способные воздействовать в интересах легитимизации, распространения или стимулирования расовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или другой формы дискриминации или ненависти, основанных на нетерпимости, несут правительства стран-участниц, их органы власти и государственные учреждения, а также официальные лица.

В решении Палаты по делу Эрбакана против Турции Европейский суд четко отражаются демократические принципы соблюдения прав человека, а также недопустимость разжигания ненависти в социуме. Приведем отрывок данного решения: «...терпимость и равное уважение достоинства всех людей составляют основу демократического плюралистического общества. На этом основании принципиальной становится необходимость в некоторых демократических обществах применить санкции против всех форм самовыражения, которые распространяют, провоцируют, стимулируют или оправдывают основанную на нетерпимости ненависть, или даже предотвратить такие формы самовыражения...» [10].

Эскалация конфликтов на государственном уровне нередко приводит к военным действиям. В отечественной социологии данная проблема исследована гораздо слабее, чем в зарубежных источниках [11, с. 167]. Существует научная точка зрения о том, что решающую роль в любом конфликте, в том числе военном, играет социальная сплоченность. При отсутствии доверия в рядах военных результаты вряд ли будут достигнуты. Тем не менее среди ученых нет единого мнения по ключевым источникам групповой сплоченности. Некоторые авторы подчеркивают психологические переменные и сосредотачивают внимание на когнитивных аспектах внутригрупповых связей, в то время как другие определяют общие социальные действия и профессиональную деятельность как основные причины готовности к борьбе. С. Милешевич ставит под сомнение главенство этих двух парадигм, смещая дискуссию в сторону структурного контекста. Ученый утверждает, что успех или неудача социальной сплоченности на микроуровне определяется ее взаимосвязью с организационными структурами власти [12, р. 222]. Иными словами, социальная сплоченность редко является автономным явлением, которое можно полностью отделить от организационного потенциала вооруженных сил в стране. Во многих случаях эти два фактора выступают как взаимозависимые процессы, действие которых часто определяет долгосрочную траекторию конкретного конфликта. Например, рассматривая конфликт Боснии и Хорватии во время войны в 1991–1995 гг., С. Милешевич описывает, как сплоченность внутри армии и социальная воинственность усиливаются и поддерживаются посредством организационного развития. Таким образом, несмотря на первоначальное сходство уровня боевой мотивации в армиях, долгосрочный структурный вклад оказывается решающим для военного успеха: Хорватия поддерживала сильную общеармейскую сеть солидарности микрогрупп и выиграла войну, тогда как боснийцы никогда не применяли подобные модели социальной

сплоченности и в конечном итоге потеряли значительную часть территорий и оказались на грани полного краха. Различный опыт этих двух военных организаций ясно указывает, что социальная сплоченность и социальная воинственность — это не просто психологические явления, это процессы, определяемые социальным действием на микроуровне, но являющиеся долгосрочными, регулярно формируемыми более широкими структурными силами.

Офицеры и военные ученые всегда осознавали, что социальная сплоченность играет решающую роль в мотивации солдат к бою. Обилие научной литературы указывает на то, что групповое единство вносит значительный вклад в военные действия. Хотя большинство военных организаций инвестируют в основном в военную технику, новое вооружение, лучшие системы логистики и новые технологические решения для координации действий солдат, существует определенное согласие в том, что войны часто выигрываются и проигрываются в зависимости от готовности солдат сражаться. Следовательно, большая часть военной науки XX—XXI вв. была сосредоточена на выявлении ключевых социальных механизмов, лежащих в основе социальных конфликтов. С. Милешевич меняет классический аналитический подход к сплоченности от микрореальности к макрореальности. Ученый утверждает, что солидарность на микроуровне лежит в основе большей части человеческой мотивации, включая социальную воинственность, тем не менее динамика микрогруппы недостаточно для генерации долгосрочных и устойчивых социальных действий. Вместо этого в историческом плане ключевыми генераторами социальных изменений являются такие социальные организации, как государства, военные, частные корпорации, религиозные учреждения, общественные движения, политические партии и т.д. Как следствие, модели социальной сплоченности зависимы от калейдоскопа событий в организационной власти и более широкого структурного контекста. В этом смысле сплоченность и социальная воинственность на поле боя являются следствием тонко настроенного взаимодействия между действиями агентов микроуровня и организационной динамикой макроструктурных сил. Следовательно, военная сплоченность влечет за собой длительную организационную и идеологическую работу [12, р. 246—248].

Модель сплоченности применима в любых социальных конфликтах, на ее основе формируется образ врага как «чуждость» для данного социума и, как следствие, применяется соответствующий языковой инструментарий для коннотативного обозначения данного образа. Обращение к социальной памяти малых этносов на постсоветском пространстве, с одной стороны, приводит к росту национального самосознания, значе-

ния самоидентификации этничностей, а с другой — дает возможность манипулирования для разжигания межэтнических конфликтов. При этом инструментом манипуляции является политика ущемления, языкового расизма представителей культур малых этничностей в многонациональных регионах. Обесценивающие и оскорбительные высказывания в адрес противника, часто с использованием нецензурной лексики, и вместе с тем патриотические призывы и лозунги для сплочения своей нации являются мощнейшими механизмами разжигания межэтнических и этнополитических конфликтов во всем мире.

Библиографический список

1. *Deutsch N.* The Constructive and destructive processes // New Haven and London. 1973. P. 13–17.
2. *Ismanov A., Kupueva N., Stanaliev G., Toktogulova M., Turdubaeva E.* From hate speech to non-violent communication. URL: https://prevention.kg/wp-content/uploads/2023/06/From-hate-speech-to-non-violent-communication_en_web.pdf
3. *Руженцева Н.Б.* Язык вражды и его представление в печатных СМИ: динамические процессы // Уральский филологический вестник. 2022. № 2. Сер.: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива (вып. 31). С. 551–563.
4. *Мамедов А.К.* «Смерть текста» как социальная драма постмодерна // Социальная коммуникация в современном российском обществе: сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 20 октября 2022 г.) / отв. ред. В.А. Мансуров, Т.З. Адамьянц. М., 2023. С. 41–44.
5. *Гилинский Я.И.* Социальное насилие. СПб., 2013.
6. *Коряковцев В.В., Питулько К.В., Сергеева А.А.* Преступления на почве ненависти, феномен hate speech, практика Европейского суда по правам человека и российский подход к определению экстремистской деятельности // Правоприменение. 2020. Т. 4, № 1. С. 106–122.
7. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7649>
8. *Сергун Е.П.* К вопросу о субъективных признаках возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 3. С. 201–295.
9. Рекомендация № R (97) 20 Комитета министров Совета Европы о «разжигании ненависти». URL: <https://rm.coe.int/0900001680767c04>
10. Совет Европы: Европейский суд по правам человека: Информационно-тематический листок «О ненависти: Разжигание ненависти по расовому признаку» (1 июня 2012). URL: <https://www.refworld.org.ru/docid/51f116492c.html>
11. *Образцов И.В.* Война в предметном поле современной зарубежной социологии // Социологические исследования. 2023. № 5. С. 167–172.
12. *Malešević S.* Why Humans Fight. The Social Dynamics of Close-Range Violence. Cambridge: Cambridge University Press, 2022.